

Altai State Agrarian University, Krasnoarmeysky, 98., 656049, Barnaul, Russia
Makarychev1949@mail.ru

Рецензент: Касьяов А.Е., д. т. н, профессор кафедры мелиорации и рекультивации земель РГАУ – МСХА им К.А.Тимирязева.

DOI:10.26897/2618-8732-2021-22-50-62

УДК 930.85: 37.013.2

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОШЛОГО РЕГИОНАЛЬНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ГРУППЫ

Ушмаева К.А., Гончаров А.С.

Настоящее исследование посвящено изучению актуальных работ по истории ставропольского казачества, трудов в области образования ставропольского казачества как самостоятельной казачьей группы, торгово-культурных и хозяйственных связей на Ставрополье, духовной жизни, языку, культуры, традиций и обычаев казаков Ставрополья.

Среди современных исследований в области истории ставропольского казачества выделяются следующие темы: военный быт и повседневность, фольклор и песенные традиции, движение за возрождение казачества, а также современное состояние и перспективы развития казачьих организаций. В качестве отдельной актуальной темы выделяется перспектива развития педагогических технологий на основе казачьих традиций воспитания молодежи в г. Ставрополе.

Актуальность исследования заключается в необходимости частного изучения историографии региональной казачьей группы казаков Ставрополья с целью расширения научного и педагогического инструментария в области «казаковедения». Практическая значимость исследования выражена в возможности использования данных статьи в поиске опорного материала для преподавания «Истории казачества» в высшем учебном заведении (с учетом региональной специфики). Научная новизна исследования выражена в новом взгляде на казаков Ставрополья как на самостоятельную казачью группу, образованную в конце XVIII века.

Источниковая база представлена, главным образом, архивными данными Государственного Архива Ставропольского края, банками данных по археологическим, культурологическим и лингвистическим экспедициям, источниками личного происхождения, трудами историков-современников и непосредственно трудами историков, исследования которых легли в основу историографии истории ставропольского казачества.

Методология исследования опирается на принципы историографической компаративистики и сравнительного анализа источников. В рамках социокультурного подхода мы опираемся на следующие методы. Специально-исторические: нарративный метод, историко-сравнительный метод, историко-системный метод, ретроспективный метод. Социологические: анализ документов, метод обобщения характеристик, метод идеальных типов. Культурологические: компаративистский метод, культурно-системный метод. Педагогические: педагогическое интервьюирование, метод изучения и обобщения педагогического опыта.

Ключевые слова: Ставрополь, казачество, культура, история, историография, духовная жизнь, фольклор.

HISTORIOGRAPHY OF HISTORY OF THE STAVROPOL COSSACKS: KEY ASPECTS OF STUDYING THE REGIONAL COSSACK GROUP'S PAST

Ushmaeva K.A., Goncharov A.S.

This study is devoted to the study of relevant works on the history of the Stavropol Cossacks, works in the field of education of the Stavropol Cossacks as an independent Cossack group, trade, cultural and economic ties in the Stavropol Territory, spiritual life, language, culture, traditions and customs of the Stavropol Cossacks.

Among modern studies in the history of the Stavropol Cossacks, the following topics stand out: military life and everyday life, folklore and song traditions, the movement for the revival of the Cossacks, as well

as the current state and prospects for the development of Cossack organizations. The prospect of the development of pedagogical technologies based on the Cossack traditions of educating young people in Stavropol is highlighted as a separate topical topic.

The relevance of the study lies in the need for a private study of the historiography of the regional Cossack group of Stavropol Cossacks in order to expand the scientific and pedagogical tools in the field of «Cossack studies». The practical significance of the study is expressed in the possibility of using the data of the article in the search for supporting material for teaching the "History of the Cossacks" in a higher educational institution (taking into account the regional specifics). The scientific novelty of the research is expressed in a new view of the Stavropol Cossacks as an independent Cossack group formed at the end of the XVIII century.

The source base is represented mainly by archival data from the State Archives of the Stavropol Territory, data banks on archaeological, cultural and linguistic expeditions, sources of personal origin, the works of contemporary historians and directly the works of historians, whose studies formed the basis of the historiography of the history of the Stavropol Cossacks.

The research methodology is based on the principles of historiographic comparative studies and comparative analysis of sources. Within the framework of the sociocultural approach, we rely on the following methods. Special-historical: the narrative method, the historical-comparative method, the historical-systemic method, the retrospective method. Sociological: document analysis, method of generalizing characteristics, method of ideal types. Culturological: comparative method, cultural-systemic method. Pedagogical: pedagogical interviewing, a method of studying and generalizing pedagogical experience.

Keywords: Stavropol, Cossacks, culture, history, historiography, spiritual life, folklore.

На сегодняшний день интерес отечественных историков к региональному казачеству обусловлен интересом к локальной истории, исторической персоналогии и истории повседневности. Это определяет необходимость выделения истории казаков Ставрополья из истории кубанского и терского казачества, представители которых, поселившись на территории Астраханской (Ставропольской) губернии, оказали значительное влияние на формирование языка и фольклора, традиций и обычаев, а также приняли активное участие в изменении торгово-культурных связей ставропольцев с народами Северного Кавказа.

В этом ключе поводом к написанию статьи послужила реализация Указа Президента РФ от 9 августа 2020 года № 505 «Стратегия государственной политики в отношении российского казачества на 2021-2030 годы» на территории Ставрополья, что нашло свое выражение в деятельности таких организаций, как: Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества, Ставропольский Дом офицеров, Ставропольский краевой союз казаков и Ставропольский городской союз казаков. Согласно данному Указу, Стратегия отнесена к документам стратегического планирования в сфере национальной безопасности, устанавливает цель государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества – содействие консолидации российского казачества, сохранению, развитию, использованию духовного наследия и культуры казачества для обеспечения реализации его потребности в служении обществу посредством формирования эффективного механизма привлечения казачества к несению государственной и иной службы, участию в решении на основе общественно-государственного партнерства, поддержке государственных проектов в интересах национальной безопасности [57].

Опираясь на основные события в историко-культурном пути развития ставропольского казачества, мы можем выделить единые хронологические рамки 70-е гг. XVIII в. по 90-е гг. XX в. охватывающие зарождение, становление и развитие ставропольского казачества, его выделение как самостоятельной казачьей группы. Так, в историографии истории ставропольского казачества следует выделить 11 ключевых периодов:

1. Синтез казачества и ставропольского крестьянства в 1770 г. – период выделения казаков-ставропольцев из более крупной группы кубанского казачества, укреплением торгово-культурных и хозяйственных связей казаков в Ставропольской губернии.

2. Период 1770-1830-х гг. – рост самосознания ставропольского казачества, обретение экономической независимости от кубанцев и Моздокского коменданта, оформление фольклора и песенных традиций.

3. Период 1830-1890-х гг. – укрепление связей ставропольских казаков и духовенства, реализация конфессиональной политики Кавказской консистории в Ставропольской губернии.

4. Период 1890-1918-х гг. – открытие торгово-промышленных предприятий баронов фон Штейнгель и братьев Деминых на Ставрополье, укрепление социокультурных черт казачества.
5. Период 1918-1939-х гг. – раскулачивание и упадок культуры ставропольского казачества.
6. Период 1939-1945-х гг. – Вторая мировая война, восстановление культуры ставропольского казачества в южных и восточных станицах, участие казаков в Великой Отечественной войне.
6. Период 1953-1964-х гг. – эпоха «Оттепели», начало диалога Коммунистической партии с региональными формами казачества, рост интереса культурных деятелей к казачьей тематике.
7. Период 1964-1985-х гг. – эпоха «Застоя», восстановление ставропольского казачества, выход фильмов по мотивам произведений М.А. Шолохова и В.М. Шукшина, исторические картины А.А. Первенцева, гражданская лирика ставропольских поэтов-фронтовиков.
8. Период 1985-1991-х гг. – эпоха «Перестройки», организация В.В. Ходаревым движения за возрождение казачества на юге страны, восстановление официальных казачьих организаций.
9. Период 1991-1999-х гг. – создание Ставропольского городского и Ставропольского краевого союзов казаков, поддержка Домом офицеров движения за возрождение казачества, создание Правительством РФ первой программы по развитию регионального казачества.
10. Период 1999-2006-х г. определен окончательным оформлением движения за возрождение казачества на юге страны и началом последовательных преобразований Правительства РФ в политике взаимодействия казачьих организаций и местной администрации, а также началом восстановления взаимодействия между Ставропольским краевым союзом казаков и Ставропольской духовной семинарией.
11. Новейшие сведения о казаках Ставрополья 2006-2021-х гг. касаются вопросов патриотического воспитания молодежи, поиске перспектив развития ставропольского казачества и сотрудничества казачьих организаций с государственными учреждениями, а также направлениями политики Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, фактически, определяющего вектор развития казачества на Ставрополье.

На основе обозначенных периодов, мы проследим развитие историографии истории ставропольского казачества в наиболее значимых трудах дореволюционных, советских, российских и зарубежных историков, социологов, культурологов и путешественников, описывавших культуру казаков Ставрополья, либо деятельность кубанцев, терцев и запорожцев в историческом пространстве ставропольского казачества, а именно: Астраханской губернии (1717-1785 гг.), Ставропольской губернии (1785-1918 гг.), Северо-Кавказского края (1918-1937 гг.), Карачаевской автономной области (1925-1937 гг.) и Орджоникидзевского края (1937-1943 гг.), Ставропольского края (1943 – н.в.); территории распространения культуры иных казачьих групп – земли Кубанской области (западные станицы), восточную часть территории Донского казачьего войска (северные станицы) и юго-восточную часть Терского казачьего войска (южные и восточные станицы).

Ставропольская губерния 1785-1918 гг. включала в себя уезды: Александровский, Медвеженский, Благодарненский, Ставропольский и Святокрестовский. К станицам Ставропольской губернии относились: Александрийская, Боргустанская, Галюгаевская, Георгиевская, Горячеводская, Государственная, Ессентукская, Зольская, Кисловодская, Курская, Лысогорская, Марьинская, Незлобная, Новопавловская, Подгорная, Старопавловская, Ставропольская, Стодеревская и Урухская [4].

Е.И. Долговая, изучавшая влияние культуры первых казаков-переселенцев, писала, что огромное влияние на закрепление казачества имели представители юрта станицы Георгиевской, на которой располагались Жабины хутора (15 дворов) и хутор богатого казака Павлова (5 дворов), имевшие полную самостоятельность вплоть до начала Гражданской войны. Казачьи семьи в составе хуторов способствовали распространению православия на территории местных народов. Павлов же был популяризатором казачества в Ставропольской станице. Вплоть до 1930-х гг. Жабины хутора и хутор Павлова служили надежной опорой казачества и духовенства, но из-за голодных лет поселения пришли в упадок. Так, по мнению Е.И. Долговой, именно Жабины хутора стали центром развития казачьей культуры на Ставрополье [22].

Генезис ставропольского казачества в 70-е гг. XVIII века, к сожалению, практически не нашел отражения в трудах дореволюционных историков, которые лишь косвенно касались расселения бывших сподвижников Емельяна Пугачева или образования станиц Старопавловской и Ставропольской и прилегающих к ним станицам, хуторам и поселениям. Однако, прямое упоминание о данных событиях и их взаимосвязи встречается в трудах многих популярных отечественных историков-классиков, включая «Курс русской истории» В.О. Ключевского [31]. Согласно материалам Екатеринбургской законодательной комиссии, ставропольской возникло благодаря синтезу терской, кубанской, казачьих

культур. На рубеже XVIII-XIX вв. небольшая группа запорожского казачества оказала влияние на изменение языка, фольклора и семейного быта ставропольцев [39].

По этому поводу В.М. Забели писал, что интерес в развитии казачества Ставрополье для Российской империи носил военно-политический характер, выражавшийся в необходимости противостояния Турции, Ирану и, в конечном счете, обеспечению постоянного доступа к побережью Черного моря [29, с. 132].

Первое упоминание о ставропольском казачестве как о самостоятельной казачьей группе встречается в описаниях немецкого путешественника и естествоиспытателя И.Г. Грегори [15, с. 213]. Он писал, что ставропольцы имели общего атамана с терцами [15, с. 214]. Волжские казаки заселялись между Моздоком и Азовом – в шесть станиц, вступая в контакт с купцами по р. Маныч [15, с. 218].

Подтверждение данных немецкого путешественника отражено в исследованиях историка Северного Кавказа С.М. Броневского, который писал, что ставропольское казачество пользовалось поддержкой терского казачества и вступало в контакты с волжскими казаками, имело торговые связи [5]. Ставропольцы формально были подчинены Моздокскому коменданту, неформально – выборному атаману среди большой группы терцев в г. Ставрополе. Это привело к росту Ставрополя и выделения казаков-ставропольцев в отдельную казачью группу [6].

В сочинении английского путешественника Томаса Барретта говорится о переселении в 1793 году черноморцев, около 20 тысяч человек, на кубанские земли. Они обживали новые земли, их задачей было развитие сельского хозяйства и создание крепостей. В 1798 году сюда перевели командование крупной казачьей группы [65, с. 51].

Немецкий путешественник и естествоиспытатель И.А. Гюльденштедт отмечал в записях о 1791 г., что основы ставропольского казачества заложили хоперские, волжские, донские, черноморские казачьи полки. Они переводились сюда для строительства крепостей и развития сельского хозяйства. Гражданских поселений было значительно меньше, нежели военных [66, с. 95]. Так, сведения И.А. Гюльденштедта во многом совпадают с записками Т.М. Барретта.

Об этимологии г. Ставрополя мы знаем благодаря Дневнику немецкого путешественника Л.Л. Штедера, который писал, что терцы, гребенцы любили выкапывать захороненные в этих местах греческие кресты. Это послужило основой для роста многих «казачьих городков», станиц и возникновение новых казачьих групп. Собственно, отсюда и название: «σταυρός» – «крест», «πόλις» – «город» [62, с. 28]. В итоге мы видим не только военно-политический интерес Российской империи в обустройстве казачества на Ставрополье, но и личностный интерес казаков в исследовании данных территорий. Примечательно, что большая часть греческих крестов не была распродана, но часть – была утрачена в ходе столкновений терцев и ставропольцев с ногайскими племенами, в частности, с «черными ногайцами» [50, с. 259].

Культурная интеграция между казаками и жителями Ставрополя происходила постепенно, активно взаимодействовали ставропольцы со многими народами Северного Кавказа, но активнее всего – с ногайцами. Местное население интересовалось Псалтырем, русскими сказками, реже – художественными произведениями. Казаков же интересовал «нартский эпос». Несмотря на неграмотность, плохое знание русского языка, синтез двух культур имел планомерный характер. Российская империя впервые обучает профессиональных переводчиков для диалога культур. Многие кавказские народы с детства внушали детям идеалы пранациональных героев – Нартов. По этому поводу мы проводили исследование, направленное на анализ культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты». Согласно результату анализа, можно сделать вывод, что лучше всего содержание эпоса знали ногайцы. Собственно, именно ногайские племена участвовали в культурной интеграции с терцами и ставропольцами [38, с. 100].

Что касается развития торгово-культурных связей казаков Ставрополя, следует выделить очерк дореволюционного историка А.А. Севрюкова «Виноградарство и виноделие в низовьях р. Террека», в котором давалась краткая характеристика занятиям ставропольского казачества. А.А. Севрюков писал, что на Ставрополье исторически культивировали виноград местные племена, во второй четверти XVIII века этим занялось и казачество [53, с. 271-272]. Так, уже в 1820-1830-е гг. виноградарство и виноделие стало приносить ставропольцам высокие доходы, что отразилось на культуре и быте ставропольского казачества, многие казаки в обмен на лучшие сорта винограда и вина закупали оружие и обмундирование [3, с. 291].

О развитии ставропольского казачества в начале XIX в. сохранилось гораздо больше источников и исследований дореволюционных историков. Вторая часть фундаментальной работы Н.Ф. Дуб-

ровина «Кавказ и народы, его населяющие» содержит упоминание о традициях, обычаях и культуре ставропольского казачества, обобщая и дополняя сведения И.Г. Георги и И.А. Гюльденштедта [23].

Исторические параллели прослеживаются в работе российского военного инженера А.И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках», где он подробно описывает не только быт донских казаков, но и вытекающие из сложившихся традиций донского казачества культурные черты менее крупных казачьих групп. А.И. Ригельман писал, что ставропольское казачество переняло традиции части терских и донских казаков. Были актуализированы традиции, свойственные для казачества Северного Кавказа последней четверти XIX века. Так, чрезвычайно строго в казачьей среде, наряду с христианскими заповедями, соблюдались традиции, обычаи, поверья, которые являлись жизненно-бытовой необходимостью каждой казачьей семьи [51]. Подтверждение исследований И.А. Ригельмана отражено в сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии за 1868 г., при этом, содержание первого выпуска частично перекликается с описанием казаков Ставрополя у самого И.А. Ригельмана [52].

Среди современных исследователей, занимающихся изучением традиций и обычаев ставропольского казачества, особенно следует выделить историков М.Е. Колесникову и В.М. Забелина, подробно описавших военный быт и повседневность казаков на примере отдельно взятых станиц. М.В. Забелин писал, что с 1820-х гг. начался процесс пополнения кавказского линейного казачества за счет населения из северных станиц, сел, хуторов и деревень. Большинство призванных несли военную службу, записываясь в ряды линейного войска, другие – помогали со строительством крепостей для противодействия Турции и Ирану. Вскоре местное население стало сливаться с некоторыми казачьими группами, несшими частично военную, частично гражданскую службу. Расположенные вблизи к Кизлярской, Ростовской и Азово-Моздокской линиям села преобразовывались в станицы, а крестьяне начали причислять себя к казакам, стали соблюдать казачьи традиции [29, с. 133].

В исследованиях М.Е. Колсениковой встречается утверждение, что в период с 1824 по 1834 впервые прослеживаются факторы, говорящие о выделении ставропольского казачества из реорганизованного кавказского линейного войска. В феврале 1845 года, во время строительства линии по реке Сунжа, было утверждено «Положение о Кавказском линейном казачьем войске», определявшее его военное и гражданское устройство. Тогда некоторые казачьи группы получили значительную автономию, сохранив все особенности административно-военной власти и организации [32; 33].

На примере традиций казаков г. Ставрополя В.М. Забелин подробно описал воспитание юношей: с восьмилетнего возраста роль воспитателя переходила к крестному отцу. Что интересно, если же родной отец казака мог быть излишне мягок и добр к сыну, мог где-то помочь, пожалеть и закрыть на что-то глаза, то крестный был очень строг и суров. Ближе к 9-ти годам мальчиков переселяли с женской на мужскую половину куреня. Это была одна из важнейших ступеней в воспитании будущего казака, ведь его уже начинали приглашать на «беседы», его учили владеть нагайкой и, на 10-й год, шашкой. На различных казачьих играх, Шермициях, в мальчиках воспитывали твердый характер и выявляли навыки и личные качества у подростка [24, с. 98].

Другим аспектом исследований В.М. Забелина стало изучение таинства крещения в традициях ставропольского казачества: на Ставрополье исторически сложилось, что крестные родители старались воспитать своего крестника в православии, обязательно посещая храм, брали с собой и своих крестных сыновей и дочерей, терпеливо объясняя им как вести себя в церкви во время богослужения в различные дни. Так стирались грани и различия между сословиями и народами. Так воспитывалась с детства дружба между народами. Раз в казачье сословие входили многие народы и народности, принявшие православие, то иногда случалось так, что одним из крестных родителей становился представитель иного этноса, но это не имело значения, поскольку региональные ставропольские казаки все идентифицировали себя как одну этнокультурную общность еще с момента образования Ставропольской станицы [25].

Не менее важной заслугой В.М. Забелина является и раскрытие важнейших императивов в духовной и культурной жизни казаков Ставрополя. Так, В.М. Забелин писал, что почитание старших нашло отражение во всех традициях ставропольского казачества. Отдавая дань уважения прожитым годам, казаки обычно почитают людей пожилого возраста, при этом, в казачьей среде обычно старший по возрасту имеет больший авторитет в споре или дискуссии. В этом проявляется особый казачий этикет, отдельные черты которого можно заметить как на светских, так и на разного рода духовных мероприятиях (при появлении старика казаки встают, перед началом службы казаки в форме прикладывают руку к кубанке, без формы – снимают кубанку) [27].

Показательное почитание гостя делается не ради того, чтобы доказать гостеприимство семьи, а скорее самим фактом почитания гостя – в православной традиции гость считался посланцем божьим, и это в полной мере находит отражение в казачьей среде. Как правило, самым «ценным» гостем считается гость из дальних мест, тот, кто нуждается в еде или приюте. С другой стороны, эту традицию можно соотнести с традицией из кавказского застолья – «алаверды», когда гость, произносящий тост, передает слово другому, но это обязательно сопровождается ритуалом приветствия (перед этим нужно предложить присесть, сняв верхнюю одежду, закутить и пр.) [28].

Уважение к женщине в казачьем обществе связано с тем, что в историческом прошлом многих казачьих войск, линейных и нелейных, женщина вела домашнее хозяйство, следила за материальным обеспечением семьи. Для современного ставропольского казачества в плане уважения к женщине свойственны многие обычаи донского и кубанского казачества XIX века, которые, по сути, разнятся в незначительных тонкостях бытовых отношений [28].

Исследования В.М. Забелина касались также и вопросов кризиса казачества в период Первой русской революции 1905-1907 гг., но в этом аспекте изучалось скорее не ставропольское казачество, а более крупные группы казаков, действия которых повлияли на общественные отношения в г. Ставрополе [26].

В отношении торгово-культурных и хозяйственных связей казаков Ставрополя ценность представляет монография отечественного историка М.Г. Кулешина «Межкультурный диалог славянского и горского населения Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в.», в которой помимо специфики взаимодействия казаков и горцев на Ставрополье, дается описание культуры г. Ставрополя и непосредственно культурной жизни ставропольского казачества. В частности, анализируется вклад казаков в развитии городского театра, библиотеки, семинарии и приходских школ [36]. Схожие сведения можно почерпнуть из данных Летописи Кубанского казачьего войска 1696-2006 гг. Впрочем, авторы Летописи, в заметках о ставропольском казачестве лишь вкратце затрагивали особенности культуры г. Ставрополя и прилежащих станиц, а достижения ставропольцев воспринимались целиком через призму культуры кубанцев и ее влияния на развитие всего Ставрополя [37].

О более позднем развитии казачества на Ставрополье мы знаем из путевых записок генерала В.А. Потто: «Казачьи станицы Кубанской линии, большею частью, обреты рвом, за которым находится вал, увенчанный высоким колючим плетнем. Станица имеет несколько ворот. В местах опасных, над воротами устраиваются вышки, на которых день и ночь стоят часовые. Близ станичного правления находится казарма и при ней конюшня для казачьего резерва, который обязан выскакать на тревогу, в случае появления в окрестностях неприятельской партии. <...> В Сенгилеевской станице (Станица Ставропольская казачьего линейного полка, верстах в 30 от Ставрополя) мне рассказывали, что, в 1848 году, горские хищники, в числе около 2,000 человек, ворвались в станицу; но жители успели запереться за церковною оградю, отразили первое нападение хищников и держались там до тех пор, пока не подоспели наши отряды. Обитатели станиц – или здешние казаки-старожилы, или недавно переселенные сюда из разных губерний. Старожилы, большею частью, выходцы с Дона и Хопра» [49, с. 151-152]. Путевые записки В.А. Потто подтверждают сведения из трудов зарубежных путешественников и данные отечественных историков-статистов.

Обобщенное исследование экономики Ставрополя и вклада казаков в развитие общественно-экономических отношений в г. Ставрополе и ближайших станицах присутствует в работе советского историка С.А. Чекменева [61]. Частные сведения о развитии региона и роли казачества присутствуют в работах современного исследователя Р.Э. Германа, изучавшего Ставрополье в экономическом, социальном и культурном аспектах [16; 17; 18]. Так, в работе «Нация как продукт общей истории» исследователь на примере теории Б. Андерсона прослеживает параллель развития г. Ставрополя и соседних станиц, где были распространены региональные формы казачества [16]. Другая работа «Социальное и экономическое развитие Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе» содержит ценные сведения об образовании, выделении и обособлении ставропольского казачества в рамках развития конфессиональной политики в г. Ставрополе и Ставропольской губернии в целом. Исследование охватывает конец XVIII – начало 60-х гг. XIX века, именно данный период Р.Э. Герман считает «расцветом» казачества на Ставрополье [17]. Частично освещая вопрос противодействия казачества и духовенства раскольничеству, Р.Э. Герман замечает, что оба сословия всегда находили определенные направления для тесного сотрудничества, вопреки нехватке местного бюджета и разногласиях между атаманами и кафедральным протоиреем [18].

Отдельно следует выделить исследования, раскрывающие духовную культуру и конфессиональную специфику ставропольского казачества. Наиболее полные статистические, справочные и

обзорные данные по духовной жизни казаков были составлены дореволюционным и советским историком Н.Т. Михайловым [42], особое внимание уделявшим развитию Ставропольской епархии. Его исследования нашли отражение в трудах современного российского историка В.В. Белокопя [3]. В этом ключе интересным и в некоторой степени уникальным является исследование Д.В. Пикалова «Номадическая характеристика казачьего мировоззрения», раскрывающее уникальные культурные черты и особенности социокультурной системы казаков Ставрополя [46].

В отношении детального изучения духовной жизни казаков и крестьян Ставрополя следует выделить примечательное исследование П.Г. Немашкалова «Образование Кавказской епархии и ее роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы». Кавказская духовная консистория в середине XIX века находилась под влиянием Моздокского коменданта и непосредственно самодержавной власти [43]. Духовный регламент церквей г. Ставрополя и всей Ставропольской губернии в принципе определялся основным духовным законом Российской империи – Духовным регламентом 1721 г., который после 1825 года претерпел некоторые изменения в связи с тем, что в 1817 году прямые отношения между Александром I и Святейшим Синодом практически полностью прекратились, зато существенно расширились полномочия обер-прокурора. При Николае I обер-прокурор официально становится представителем дела государева в рамках Святейшего Синода [55].

Следствием этого, как пишет современный историк и культуролог Т.В. Седых, стало то, что на 1843 г. связь ставропольского духовенства и казачества окончательно укрепилась. Однако, сплотила их общая беда – развитие раскольников и сектанства, с которыми было необходимо бороться всеми возможными средствами согласно распоряжению Моздокского коменданта и непосредственно Николая I. Казачество избирало своими методами насильственные и экономические средства (изоляция, морение голодом и пр.). Духовенство же предпочитало более гуманные способы борьбы. Ответственность за нахождение «золотой середины» как раз и легла на кафедрального протоиерея и благочинного церквей Ставрополя [54].

Роль казачества в становлении кафедрального протоиерея и конфессионального спокойствия в Ставрополе определялась двумя факторами. Первое – это умение балансировать между интересами Моздокского коменданта и, через него опосредованно, интересами церкви и положением крестьян и купцов, имевших тесные культурно-торговые связи с местным казачеством [7].

Переломным оказалось назначение 10 апреля 1843 года епископа Иеремии (Соловьева) на новую кафедру, известный в Ставрополе своей исполнительностью священнослужитель К. Крастилевский по желанию Иеремии был назначен в должность кафедрального протоиерея и благочинного церквей Ставрополя [11].

По распоряжению Синода Иеремиа, бывший викарием Киевской митрополии, прибыв в Ставрополь, вступил в контакт с терско-ставропольской казачьей группой «с целью к устранению имеющихся недостатков и утверждению церковного порядка вверенной ему епархии». При епископе создавалась консистория, в ее первый состав вошли: архимандрит Черноморского войска Екатеринолебяжской Николаевской пустыни – настоятель Дионисий, ключарь Троицкого собора священник П. Сухарев, священники А. Альшанский и Д. Гремяченский, а также священник Ставропольской приходской Казанской церкви С. Граников [11].

Согласно Уставу духовных консисторий, устройство присутствия консистории организовывалось согласно государственному образцу, в первый год общая сумма расходов на обустройство церквей и местных архивов составила 777 рублей серебром (предварительная смета) [10].

Исходя из данных ГАСК, в своей деятельности кафедральный протоиерея и благочинный церквей Ставрополя полагался на духовенство и казачество. Причем казачество фактически оказывало материальную поддержку белому духовенству и повлияло на его становление через «усмирение» тех, кто отказывался от посещения церкви или вел антихристианскую деятельность в Ставрополе и в пределах граничащих с ним станиц и поселений (исключая местные племена, с которыми приходилось вести двойственную политику) [14].

В данном аспекте мнения казачества и духовенства в лице протоиерея на характер обращения со старообрядцами, раскольниками и сектантами существенно расходились [12]. Казачество стояло в основном на насильственных мерах против сектантов, но поддерживало старообрядцев, раскольников казаки обычно предлагали «подкупать». Духовенство соглашалось с политикой казачества в отношении сектантов, но предлагало подселать старообрядцев к другим жителям города, а сектантов записывать в казачьи войска, чтобы казаки занимались их «перевоспитанием» [13].

Как пишет П.Г. Немашкалов, дальнейшее взаимодействие духовенства и казачества в 1845-1860-е гг. основывалось на доверительных началах. Казачество продолжало укреплять границы,

строить крепости и бороться с сектантами и отступниками, привлекать новых людей для пополнения прихода [43]. Казачество просвещало крестьян. Ставропольское духовенство одобряло действия казачества и направляло в поддержку тому священнослужителей. По-прежнему имели место тесные связи между непосредственно самим протоиреем и подчиненными ему людьми, атаманами и старейшинами, которые и являлись фундаментом в организации духовной жизни Ставрополя [8]. Казачество же сыграло непосредственную роль в становлении и укреплении белого духовенства после назначения в Ставрополь кафедрального протоиерея и благочинного церковью К. Крастилевского, так как во всем прислушивалось к его мнению и поступало согласно пожеланиям и потребностям местного духовенства [9].

По поводу развития духовной культуры ставропольского казачества интересным кажется замечание современной исследовательницы в области кзаковедения Е.А. Хомутовой, что синтез ценностных императивов казачества и духовенства на Ставрополье стал отправной точкой для формирования уникальной педагогической традиции, включавшей в себя элементы педагогики терцев и кубанцев, а также самобытные ногайские практики воспитания молодежи [60]. То же подмечает Я.В. Погребная, анализируя творчество ставропольского писателя, потомственного казака В.П. Бутенко, сумевшего передать многие аспекты культуры казаков Ставрополя в своих прозаических и поэтических произведениях [48].

Особое место в истории ставропольского казачества занимает формирование лингвоментального комплекса и фольклора. Наиболее ценные данные по фольклору казаков Ставрополя и песням, которые были популярны у ставропольцев, представлены в исследованиях Л.А. Якоби. Вот лишь некоторые мотивы, относящиеся к речетворчеству ставропольского казачества:

1. «Мы составим грозный полк, / Полетим на смертный бой. / Нам(ы) нечего бояться, – / Мы на поле рождены...»;
2. «Там, за горами, где вьются метели, / И страшны морозы зимою трещат, / Где сдвинулись дружно и сосны и ели, – / Там кости казацьи под снегом лежат...»;
3. «Под Старполем дымно, дымно. / Ничего не видно. / Пошли наши казаченьки / Чуть шапочки видно...»;
4. «Арест ли нужен за заслуги – Грудью я возьму! Песню ль надо на досуге – В чуже не займу...»;
5. «Из-за тучушки ветерочка вьется, / Ой, да вниз по травушке выхо... / Выходил Шамиль...» [45; 63; 64].

Более детальное изучение и обобщение данных Л.А. Якоби присутствует в работах современных исследователей И.И. Мельниковой и А.А. Озерова [40; 41; 44].

На основе изученных Л.А. Якоби фольклорных данных, особенностей языка и повседневности, мы можем судить о том, что уникальные культурные черты ставропольского казачества, помимо черт донцев и кубанцев, были относительно верно переданы в некоторых классических произведениях художественной литературы. Например, в повести «Казаки» Л.Н. Толстого [56]. При этом, уникальные традиции и особенности быта были запечатлены в работах современного ставропольского писателя и инициатора возрождения казачества на Ставрополье В.В. Ходарева [59].

В конце XIX – начале XX вв. детально историю ставропольского казачества изучал А.Б. Гордиенко. В качестве наиболее значимой работы следует выделить статью «Традиционное жилище и усадьба казаков станицы Старопавловской». С конца XVIII и до середины XIX веков казаки-переселенцы на Ставрополье строили дома преимущественно из дерева, бедные переселенцы довольствовались землянками и полуземлянками. Колонисты из центральных губерний в 1810-е гг. стали возводить дома из камня, саманные хаты и избы были непривычны для офицеров, прибывших сюда по долгу службы. В то же время, и для крестьянства, и для казачества было свойственно проживать в деревянных хатах. Дома из древа попадали под местные налоги и были значительно дороже в строительстве по сравнению с землянками. Вольноотпущенным крестьянам строить деревянные хаты помогала община, временнообязанные крестьяне, как правило, довольствовались землянками. В период правления Александра III до десятой части ставропольских семей смогли позволить себе деревянные хаты. Зажиточные крестьяне и кулаки покупали деревянные хаты. Кулаки могли иметь также дома-пятистенки или полукаменные избы. Казаки строили хаты, курени и усадьбы с поддержкой казачьего круга и атаманов Казачий курень принадлежал одновременно к двум типам: южнорусскому или кубанскому, напомнившему крупную хату, и к терско-донскому, который был в целом распространен на Северном Кавказе и представлял собой нечто среднее между крупной двухэтажной хатой и усадьбой. Сама же казачья усадьба стала популярной только в конце XIX века [20].

Историю казаков Ставрополья в первой четверти XX века изучал П.Н. Крикунов, однако, более важной для рассмотрения единой историографии истории ставропольского казачества является работа «Казаки. Между Сталиным и Гитлером», описывающая события в период Второй Мировой и Великой Отечественной войн [35]. О предшествующих событиях, жизни ставропольского казачества в 30-40-е гг. следует выделить сборник документов «Голоса из провинции» под редакцией Г. Никитенко и Т. Колпикова. Среди собранных авторами архивных данных особенно следует выделить материалы, представляющие ценность в рамках истории повседневности и исторической персоналогии (портретов председателей колхозов, атаманов или культурных деятелей Ставрополья, относивших себя к казакам) [19]. В послевоенной истории ставропольского казачества выделяются работы Д.В. Пикалова, в частности «Интеграция культуры ставропольского казачества и казаков-некрасовцев в конце XX века», раскрывающая особенности переселения некрасовцев в Левокумский район Ставропольского края [47].

Движение за возрождение казачества подробно описывалось во многих работах отечественных историков, социологов и культурологов. Мы же считаем, что, с точки зрения поиска перспектив развития казачьих организаций и выделения исторической ретроспективы ставропольского казачества, ценными представляются работы В.В. Добровольского «Современное казачество на юге России (на материалах Ставропольского края)» и С.В. Усатова «Правоохранительный потенциал современного казачества» [21; 58].

На популяризацию казачьей культуры на Ставрополье косвенно повлиял характер отношений регионального казачества и Коммунистической партии в 1950-1960-е гг. Правительство пошло на уступку некоторым неофициальным казачьим организациям СКФО, стремившимся создать базис для патриотического воспитания молодежи, согласно казачьим традициям и обычаям, сохранившимся на Ставрополье даже в годы репрессий. Благодаря личной инициативе отдельных лиц, ставропольское казачество начало свое возрождение одним из первых в СКФО. Поэт В.В. Ходарев, инженер П.С. Федосов и писатель Т.С. Шелухин добились у московского землячества разрешения на создание Ставропольского городского союза казаков. С участием Дома офицеров был также создан Ставропольский краевой союз казаков. Все это в совокупности дало толчок к созданию реальной ситуации социального и социокультурного конструирования [21].

После утверждения Ставропольского краевого союза казаков при поддержке Дома офицеров был избран атаман города, утверждена Ревизионная комиссия и правление казачьими обществами в крае. Ранее, на городском совете было определено единое казачье общество из 12 человек, в которое входили самые авторитетные атаманы края. Первым атаманом Ставропольского городского союза казаков стал В.А. Есаулов, его заместителями были Г.Б. Нефедов и Ю.Г. Звягин. Эти события послужили основой для возрождения ставропольского казачества, которое существовало в латентной форме до того, как сменилась политика Коммунистической партии в отношении казачьей культуры и свободы распространения казачьих традиций. На рубеже XX-XXI вв. основой традиций ставропольского казачества вновь стал Домострой – важный элемент традиционной российской культуры. Возвращение к традициям Домостроя способствовало восстановлению некоторых особенностей строительства жилья, его обустройства, проведения специальных обрядов и, в целом, восстановлению многих аспектов семейно-брачных отношений, соответствующих специфике российского ментального комплекса [44].

Законодательные основы современного ставропольского казачества представлены, прежде всего, в положениях Закона Ставропольского края о краевом казачестве, его структуре и функциях [30], а также в документах по деятельности Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества [34].

Среди основных положений Закона о казачестве, следует выделить следующие:

1) казачество в Ставропольском крае - исторически сложившаяся культурно-этническая общность граждан в составе населения Ставропольского края, имеющая самобытные традиции, обычаи, культуру, хозяйственный уклад и строящая взаимоотношения с органами государственной власти Ставропольского края и органами местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края, как правило, на основе выполнения обязательств по несению государственной или иной службы;

2) казак - гражданин Российской Федерации, относящий себя к прямым потомкам казаков, или гражданин Российской Федерации, добровольно в установленном порядке вступивший в казачье общество;

3) казачье общество – форма самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, защиты его прав, сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества в соответствии с федеральным законодательством (некоммерческая организация);

4) казачьи общества в Ставропольском крае создаются в виде хуторских, станичных, городских, районных и окружных казачьих обществ, члены которых в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению государственной или иной службы [30].

Итак, подводя итоги, следует отметить, что образование ставропольского казачества происходило в период с начала 1770 по 1798 гг. Ставропольцы активно вели сельское хозяйство, занимались строительством крепостей, однако, ключевую причину образования ставропольского казачества мы видим непосредственно в переносе Штаба терского казачества. Интерес Российской империи в развитии Ставропольской станицы был связан, во-первых, со сдерживанием Турции и Ирана на границах русских земель и, во-вторых, с поддержкой более крупных казачьих групп на юге России, осуществлявших интеграцию российско-казачьей культуры и культуры народов Северного Кавказа.

Несмотря на пребывание ставропольского казачества в СССР в латентной форме, как особый класс, оно сохранило необходимый базис для того, чтобы развиваться вопреки ключевых императивов советской власти (в довоенный период), являясь не просто локальным, очаговым образованием, но чем-то более глубоким и, можно сказать, древним с точки зрения института исторической памяти. Благодаря деятельности В.В. Ходарева ставропольское казачество получило поддержку московского землячества, необходимую для возобновления своих основных функций в структуре преобразующегося общества на рубеже эпох.

Датой окончательного восстановления казачьей культуры в виде первого разрешенного государственной властью казачьего войска считается 28 сентября 1990 года. Ставропольское казачье войско, воссозданное Ставропольским городским союзом казаков на учредительном круге в центре Ставрополя, стало первым зарегистрированным казачьим объединением. Есть множество доказательств тому, что казачество в современном российском обществе выполняет не только культурно-интегративную функцию, но также, в рамках поддержки внутреннего порядка страны, предоставляет часть сил на защиту ее снаружи и изнутри. Так, в ходе Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-1996 гг. многие добровольцы состояли преимущественно из казаков, а батальон Ермолова и вовсе состоял преимущественно из представителей региональных казачьих войск. Тогда, во имя защиты внутреннего порядка на базе двадцать первой воздушно-десантной бригады было сформировано несколько рот казаков-контрактников (247 Кавказский казачий десантно-штурмовой полк).

Годы возрождения казачества вместили в себя успехи и трудности, споры и поиски согласия. Но главный итог, который можно подвести сегодня, состоит в том, что в новых исторических обстоятельствах казаки делом доказали, что они нужны России. Страна и народ увидели, что казачество – это не только часть истории, но и возможность для новых свершений», – так прокомментировал региональное возрождение казачества патриарх Кирилл в выступлении на Совете по делам казачества 14 октября 2009 года. А согласно Указу Президента РФ от 09.08.2020 № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы», казачество является приоритетной социальной группой с точки зрения актуализации российских ценностей в СКФО.

Литература:

1. Банк данных по экспедиции А.А. Севрюкова. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терка // Терский сборник. В. 5. Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 268–297.
2. Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А., Махмудов Р.К., Корнеева Л.И., Супрунчук И.П. Этнический атлас Ставропольского края: монография / Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. и др. Научный редактор: Полян П.М., профессор. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – 304 с.
3. Белоконов В.В. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843-1920 гг.): Справочник / Сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. – 448 с.
4. Близниченко М.В., Острикова И.Н. Песенный фольклор казачества как этнокультурный компонент в современном педагогическом пространстве // Kant. 2011. № 2. С. 182-185.
5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Часть I. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 383 с.

6. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Часть II. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 485 с.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 169. Л. 61.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 169. Л. 62.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 171. Л. 7.
10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 319. Л. 5-6.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 588. Л. 73.
12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877. Л. 479.
13. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1042. Л. 1.
14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 410. Л. 147 об.
15. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. – СПб., 1799. – 4 т. – 385 с.
16. Герман Р.Э. Нация как продукт общей истории: теория Б. Андерсона // Наука и практика: мировые, российские и региональные тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Филиал РГСУ в г. Сочи; Филиал РГСУ в г. Ставрополь; Издательство «Стерх»; под редакцией О.Ю. Колосовой; О.Л. Стародуб; Л.Г. Зимовец. 2014. С. 116-120.
17. Герман Р.Э. Социальное и экономическое развитие Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе: конец XVIII – начало 60-х гг. XIX века: монография / Р.Э. Герман; Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования и молодежной политики Ставропольского края, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт». – Ставрополь: Ставролит, 2017. – 201 с.
18. Герман Р.Э. Формирование социальной и экономической инфраструктуры Ставропольской губернии в контексте геополитики России: Дореформенный период : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Ставрополь, 2002. – 321 с.: ил.
19. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930-1940 годах: сборник документов / составители Г. Никитенко, Т. Колпикова. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. – 560 с.
20. Гордиенко А.Б. Традиционное жилище и усадьба казаков станицы Старопавловской (по материалам этнографической экспедиции) // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 2016. С. 242-248.
21. Добровольский В.В. Современное казачество на юге России (на материалах Ставропольского края) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 375-383.
22. Долговая Е.И. История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804-1914 годы): Сборник документов / Под ред. Е.И. Долговой. – Ставрополь: Бюро новостей, 2013. – 504 с.
23. Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы, его населяющие. Книга II. Законы и обычаи на Кавказе. – М.: Кучково поле, 2019. – 542 с.
24. Забелин В.М. Благодарненская старина: исторические очерки / В.М. Забелин. – Ставрополь: АГРУС, 2011. – 222 с.
25. Забелин В.М. Благодарный – сопричастность к мировой истории / В.М. Забелин. – Ставрополь: АГРУС, 2013. – 320 с.: табл.
26. Забелин В.М. Деятельность российских политических партий среди крестьян Ставрополя и Кубани в 1905-1907 гг. / В.М. Забелин. – СПб.: Нестор, 1998. – 45 с.
27. Забелин В.М. Земля моя Благодарненская: сборник статей / В.М. Забелин. – Ставрополь: АГРУС, 2009. – 195 с.: табл.
28. Забелин В.М. На Северном Кавказе: сборник статей / В.М. Забелин. – Ставрополь: АГРУС, 2010. – 310 с.: табл.
29. Забелин В.М. Ставропольские казаки В XIX веке // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания. 76-я научно-практическая конференция преподавателей и студентов СгГАУ. 2012. С. 132-134.
30. Закон Ставропольского края о краевом казачестве, его структуре и функциях. Принят Государственной Думой СК 17 июля 2003 года: [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&&nd=141010596&&page=1&rdk=5#I0 (дата обращения: 18.08.2021).
31. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1197 с.: ил.
32. Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09 / Колесникова Марина Евгеньевна; [Место защиты: Ставропол. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2011. – 921 с.: ил.
33. Колесникова М.Е. К истории археологического изучения Ставрополя // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. 1995. С. 12-23.

34. Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества: [сайт]. URL: <http://www.stavcomnat.ru> (дата обращения: 18.08.2021).
35. Крикунов П.Н. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. – М: Язуз, Эскмо, 2005. – 608 с.
36. Кулешин М.Г. Межкультурный диалог славянского и горского населения Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в.: монография / М.Г. Кулешин, П.Г. Немашкалов; М-во образования и науки Российской Федерации, М-во образования Ставропольского края, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Ставропольский гос. пед. ун-т. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – 203 с.: табл.
37. Летопись Кубанского казачьего войска: 1696-2006 / Под общ. ред. проф. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. – 440 с.
38. Макарова О.С., Гончаров А.С. Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов северного кавказа // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 4. С. 96-110.
39. Материалы Екатеринбургской законодательной комиссии. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 115. М.: Тип. М. Меркушева, 1903. 546 с.
40. Мельникова И.И. Духовная культура Ставрополя XIX-XX вв.: На примере фольклорных традиций : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Ставрополь, 2004. – 207 с.
41. Мельникова И.И. Песенный фольклор Ставрополя: историко-теоретический анализ на примере станицы Баклановской // European Social Science Journal. 2011. № 10 (13). С. 333-344.
42. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. Ставропольская губерния и Кубанская область (Обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / Никита Тимофеевич Михайлов. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910. – 501 с.
43. Немашкалов П.Г. Образование Кавказской епархии и ее роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы: монография / П.Г. Немашкалов. – Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2018. – 242 с.: ил., табл.
44. Озеров А.А. Возрождение казачества в новой России (Социально-философский аспект) / А.А. Озеров, А.Г. Киблицкий – Ростов н/Д: Ростиздат, 2004. – 304 с.
45. Песни ставропольского казачества. С разгиру гора // Сост. Л. Бобрышова, Н. Дмитриева. – Ставрополь: КЦНТ, 1997. – 56 с.
46. Пикалов Д.В. Номадическая характеристика казачьего мировоззрения // Ставрополь-город межэтнического согласия и межконфессионального диалога. 2013. С. 114-118.
47. Пикалов Д.В., Гончаров А.С. Интеграция культуры ставропольского казачества и казаков-некрасовцев в конце XX века // Новая наука: новые вызовы. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.А. Янпольской. Краснодар, 2021. С. 69-73.
48. Погребная Я.В. Судьба казачества в трилогии ставропольского писателя В.П. Бутенко «Казачий алтарь» // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей. Отв. редактор И.И. Горлова. Москва, 2021. С. 334-341.
49. Потто В.А. Несколько дней на Кубани. (Из путевых записок, веденных на Кавказе в 1853-1856 гг.). – ВС, 1861, т. 18, № 3, С. 151-188.
50. Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. – СПб.: Императорская тип., 1809. 597 с.
51. Ригельман А. История или повествование о донских казаках. – М.: Университет. тип., 1846. – 165 с.
52. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Вып. 1. – Ставрополь, 1868. – Отд. 1. С. 123-138.
53. Севрюков А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терек // Терский сборник. В. 5. – Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1903. С. 268-297.
54. Седых Т.В. Взаимодействие казачьих объединений и органов государственной власти: на материалах Южного федерального округа: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Седых Татьяна Викторовна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Краснодар, 2009. – 174 с.
55. Ставропольские епархиальные ведомости. – Ставрополь, 1886. № 3.
56. Толстой Л.Н. Казаки. – М.: Художественная литература, 1981. – 350 с
57. Указ Президента РФ от 9 августа 2020 года № 505 «Стратегия государственной политики в отношении российского казачества на 2021-2030 годы»: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63878> (дата обращения: 19.08.2021).
58. Усатов С.В. Правоохранительный потенциал современного казачества // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 296-301.
59. Ходарев В.В. Казачий кладезь Витислава Ходарева: рассказы, фольклорные находки, истории жизни автора / В. Ходарев. – Ставрополь: Кавказинтерпресс, 2020. – 304 с.: ил.
60. Хомутова Е.А. Система воспитания традиционной казачьей семьи // Young Science. 2014. Т. 1. № 4. С. 82-84.
61. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX в. / С.А. Чекменев. – Пятигорск: Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1967. – 352 с.

62. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / Сост. Г.И. Цибиров. – Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2016. – 368 с.
63. Якоби Л.А. Русские народные песни, записанные на Ставрополье. Сост. Якоби Л.А. – Ставрополь: Кавказский край, 1997. – 88 с.
64. Якоби Л.А. Ставропольские напевы. – Ставрополь: КЦНТ, ГП ИПФ Ставрополье, 1998. – 80 с.
65. Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder, Colorado: Westview Press, 1999. – 243 p.
66. Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / D. Johann Anton Güldenstädt ; Auf Befehl der Russisch-Kayserslichen Akad. der Wiss. hrsg. von P. S. Pallas. – St. Petersburg, 1787-1791. – 2 Bd. Bd. 2. – 1791. – 552 p.

Данные об авторах:

Ушмаева Ксения Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь
Ставропольский государственный педагогический институт
Ставрополь, Россия
E-mail: 79187507385@yandex.ru
Номер id РИНЦ: 459070

Гончаров Артем Сергеевич, бакалавр, лаборант кафедры Теории и методики истории и обществознания
Ставропольский государственный педагогический институт
Ставрополь, Россия
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru
Номер id РИНЦ: 1099422

Data about the authors:

Ushmaeva Ksenia Alekseevna, doctor of historical sciences, professor, free researcher
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
E-mail: 79187507385@yandex.ru
RSCI id number: 459070

Artem Sergeevich Goncharov, bachelor, laboratory assistant, chair at the Theory and Methods of History and Social Science

Рецензент:

Юрченко И.Ю., кандидат исторических наук, доцент

